

БОЖЕСТВЕННАЯ ИРРЕФЕРЕНТНОСТЬ ОБРАЗОВ В ФИЛОСОФИИ СИМУЛЯКРОВ ЖАНА БОДРИЙЯРА

«Скрывать [dissimuler] значит делать вид, что не имеешь того, что есть на самом деле. Симулировать [simuler] значит делать вид, что имеешь то, чего нет на самом деле. Одно отсылает к присутствию, другое – к отсутствию».

/J. Baudrillard. Simulacres et simulation, 1981/.

Центральной категорией философии одного из виднейших теоретиков французского постмодернизма Жана Бодрийяра является симулякр. Термин симулякр (фр. simulacre) происходит от латинского simulacrum (что буквально означает образ, подобие чего-либо) и относится к числу наиболее популярных, употребляемых применительно к постмодернистски ориентированной философской мысли. Обычно создание этого термина приписывается Жану Бодрийяру, который ввел его в широкий обиход и применил для интерпретации реалий окружающего мира. Однако сам философ опирался на уже довольно прочную философскую традицию, сложившуюся во Франции и представленную такими именами как Жорж Батай, Пьер Клоссковский и Александр Кожев. Но не совсем верным также будет сказать, что своим возникновением термин симулякр обязан постмодернистской философской мысли: французские теоретики новейшего направления лишь дали иное истолкование старого термина Лукреция, который попытался перевести словом simulacrum эпикуровский εἰσων (с греч. отображение, форма, подобие).¹ [Вышесказанное может служить основанием для утверждения, что греческий εἰσων и латинский simulacrum являются разноязычными словами, близкими по значению]. Однако Жан Бодрийяр, в отличие от других постмодернистов, придал совершенно новые оттенки содержанию термина симулякр, употребив его по отношению к социальной реальности. Фундаментальным отличием его интерпретации постмодернистского переживания неподлинности мира, данного нам в культурном опыте, его зараженности паразитарными вторичными идеологическими смыслами, является ориентация философа не на

¹ Постмодернизм. Словарь терминов. Под ред. И.П. Ильина. М.: ИНИОН РАН – INTRADA. 2001. см. симулякр.

постструктуралистскую семиологизацию картины мира (например, постмодернистское восприятие окружающей действительности как своеобразной письменности или гипертекста), а на философско-онтологическую традицию; Жан Бодрийяр говорит скорее о социо-культурных реальностях как таковых, приобретающих двусмысленный неподлинный характер. Новизна этого подхода состоит в том, что философ перенес описание симулякра из сфер чистой онтологии и семиологии на картину современной социальной реальности, а его уникальность – в попытке объяснить симулякры как результат процесса симуляции, трактуемый им как «порождение гиперреального», «при помощи моделей реального, не имеющих собственных истоков и реальности».² Под действием симуляции происходит «замена реального знаками реального», в результате симулякр оказывается принципиально несоотносимым с реальностью напрямую, если вообще соотносимым с чем-либо, кроме других симулякров. Собственно в этом и заключается его фундаментальное свойство. В результате процесса симуляции возникает особый мир, мир моделей и симулякров, никак не соотносимых с реальностью, но воспринимаемых гораздо реальнее, чем сама реальность, - этот мир, который основывается лишь только на самом себе, Жан Бодрийяр и называет гиперреальностью. Всем этим процессом правит симуляция, которая выдает отсутствие за присутствие и смешивает всякое различие между реальным и воображаемым. По словам самого философа, гиперреальность – это обманка, которую составляют «симулякры без перспективы». «[...] фигуры обманки показываются внезапно, с пунктуальностью звезд, словно совлекши с себя ауру смысла и купаясь в пустоте эфира».³ Пространство обманки потому и гиперреально, что оно реальнее, чем сама реальность. «Здесь все – артефакт, изолированные объекты вне своего референциального контекста, возведенные виртуальным фоном в чистые знаки».⁴ Признавая симуляцию бессмысленной, Бодрийяр в то же время утверждает, что в этой бессмыслице есть и очарованная форма: «соблазн» или «обольщение». Нарушение правил игры света и тени, а также закона перспективы сопутствует «явлению двойника под видом всех этих скучных, бесцветных объектов, что и рождает присущий обманке эффект обольщения: осязаемое умопомрачение, перекликающееся с шальным желанием

² J. Baudrillard. *Simulacres et simulation*, 1981.

³ Жан Бодрийяр. *Соблазн. Ad Marginem*. М., 2001, с. 117

⁴ Там же. С. 118

субъекта сжать в объятиях собственное отражение и в результате исчезнуть». ⁵ Именно ускользание реального в обманке рождает этот эффект соблазна, обольщения «эксцессом видимостей», избыточной реальностью. «Глубина тут вывернута наизнанку: вместо убегающих вдаль линий ренессансного пространства в обманке эффект перспективы некоторым образом проецируется вперед». ⁶ Такова сфера видимости пространства симуляции, метафорически охарактеризованного философом как избыток реальности, обольщающий своим «налетом видимостей». Таково пространство новой эпохи, эпохи тотальной симуляции.

Современность для Жана Бодрийера - это эра тотальной симуляции, и он всюду обнаруживает симуляционный характер всех современных социальных и культурных феноменов: власть лишь симулирует власть; что же касается информации, то она не производит никакого смысла, а только «разыгрывает» его, поскольку подменяет его симуляцией общения, что и порождает специфику мироощущения современного массмедиированного состояния общества и общественного сознания. В итоге, по мнению философа, люди имеют дело не с реальностью, а с гиперреальностью, которая воспринимается гораздо реальнее, чем сама реальность.

Однако симулякры проходят ряд последовательных стадий развития, и симуляция может иметь различные масштабы - от подделки материальных предметов, например, копий оригиналов картин, до имитации процессов, поступков, симптомов, вплоть до симуляции реального, не имеющего своих собственных истоков. Последний род симулякров Бодрийер называет «чистыми» симулякрами. В своей книге «Симулякры и симуляция» философ приводит пример прохождения образом ряда последовательных фаз, на протяжении которых симулякр переходит из «простого» симулякра в «чистый» симулякр:

«он [образ] является отражением базовой реальности;
он маскирует и искажает базовую реальность;
он маскирует отсутствие базовой реальности;
он не имеет никакого отношения к какой-либо реальности: он является своим собственным чистым симулякром». ⁷

⁵ Жан Бодрийер. Соблазн. Ad Marginem. М., 2001, с. 120

⁶ Там же. С. 122

⁷ J. Baudrillard. Simulacres et simulation, 1981. P. 17.

В качестве одного из примеров образов-симулякров Жан Бодрийяр приводит религиозные образы, иконы или «симулякры божества». В той же работе автор задается вопросом о том, чем становится божество, когда обнаруживает себя в иконах: «Остается ли оно высшей инстанцией, которая просто воплощается в образах видимой теологии? Или же оно исчезает в симулякрах, которые единственные раскрывают собственную роскошь и мощь ослепления – видимый механизм икон, заменяющий чистую и сверхчувственную идею Бога?»⁸

С точки зрения философа, не совсем возможным представляется само репрезентирование Бога, являющегося по сути чем-то нерепрезентируемым. Таким образом, в размышлениях Бодрийяра возникает вопрос, который на протяжении столетий служил предметом яростных дискуссий между противниками и апологетами икон: являются ли иконы образами, отражающими самого Бога, или же они наоборот препятствуют постижению сверхчувственной Идеи Бога, относясь к тем образам-симулякрам, которые «скрывают отсутствие»? По этому поводу философ пишет: «Это именно то, чего так боялись иконоборцы, их тысячелетняя война продолжается и по сей день. А все потому, что они предчувствовали это всемогущество симулякров, их способность стирать Бога в сознании людей, и истину, которую они приоткрывают, разрушительную, всеуничтожающую, заключается в том, что в действительности Бога никогда и не было, что существовал всегда только симулякр, более того, сам Бог был всегда своим собственным симулякром [...]».⁹ Если позиция иконоборцев по отношению к иконам представляется достаточно ясной, и их недовольство этими образами в качестве препятствия на пути познания человеком Бога, то понимание икон их защитниками кажется философу намного более глубоким. «Мы видим, что иконоборцы, которых обвиняли в презрении и отрицании образов, были теми, кто по достоинству их оценивал, напротив, иконопоклонники, видевшие в них только отражения, довольствовались почитанием Бога в этой филигранной работе», - говорит Бодрийяр. Но, в итоге, проникновение иконопоклонников в суть этих образов кажется философу гораздо основательнее; дело в том, что их защита видимых образов происходила не от довольства иконами в качестве посредника между человеком и Богом, а от их «предвидения смерти

⁸ Там же. С. 14

⁹ Там же. С. 14

божественного референта». По мнению Бодрийяра, иконопоклонники не видели в иконах ничего другого кроме божественного симулякра, но они знали также, что только этот видимый образ способен скрыть отсутствие самого референта, Бога. «[...] под завесой исчезновения Бога в зеркале образов, они уже обыгрывали его смерть, и исчезновение в богоявлении его репрезентаций (о которых они знали, может быть, что те уже ничего не представляли, что они были чистой игрой, но что именно там была точно великая игра – зная также, что опасно снимать с образов маску, так как они скрывают, что за ними ничего нет)».¹⁰

Достаточно определенной предстает позиция самого Бодрийяра, который относит иконы к разряду «чистых» симулякров, не соотносящихся ни с каким референтом. «Чистые» симулякры отрицают принцип реальности и являются симулякрами самих себя; так, иконы, по мысли философа, есть ни что иное, как симулякры божества, а Бог является своим собственным симулякром. Бодрийяр добавляет, что «вся западная вера приняла участие в этом пари репрезентации: знак сможет отправить к глубине смысла, знак сможет заменить смысл, и что-то обеспечит эту подмену – Бог, конечно. Но если Бог сам может быть симулирован, то есть свестись к знакам, составляющим его веру?».¹¹ Знак может заменить смысл, согласно Бодрийяру, если основанием тому будет служить вера в Бога, но что произойдет со всей системой, если сам Бог есть ни что иное, как знак и вера в Бога составлена из знаков. В этом случае «вся система становится невесомой, она сама отныне ни что иное, как гигантский симулякр [...]»¹², лишенный соотношения с каким-либо референтом порядка реального. В этом автор видит принципиальное отличие симуляции от репрезентации. «Последняя исходит из принципа эквивалента знака и реальности (даже если этот эквивалент утопичен, это фундаментальная аксиома)».¹³ Образ обязательно является отражением реальности или заранее воображаемой в сознании реальности, но не гиперреальности, в то время как симуляция отрицает любую реальность, воссоздавая, возможно, никогда не существовавшее реальное. «Симуляция исходит, наоборот, из утопии равенства, она исходит из радикального отрицания знака как ценности, исходит из знака как возвращения к прежнему состоянию и

¹⁰ J. Baudrillard. *Simulacres et simulation*, 1981. P. 15

¹¹ Там же. С. 15

¹² Там же. С. 15

¹³ J. Baudrillard. *Simulacres et simulation*, 1981. P. 16

уничтожения всякой референции».¹⁴ Кардинальный поворот к принципу симуляции отмечает переход от знаков, скрывающих что-то, к знакам, скрывающим, что нет ничего. Именно ко второму типу знаков, представляющих эру симуляции Жан Бодрийяр и относит иконы. Из размышлений философа, можно прийти к выводу, что он объединяет понятия икона и симулякр, исходя из их смыслового содержания. Однако любопытно было бы обратиться к этимологии самого слова *икона*, происходящего от греческого слова *eicon*, означающего образ, подобие. На французском языке оно звучит как *icône* (f), имея одни и те же корни. Понятие «икона» появилось гораздо раньше, чем оформился жанр церковного искусства, потому как само слово «образ», но еще не на греческом языке, употребляется в Ветхом Завете, например, там, где говорится о том, что Бог не имеет образа и потому его невозможно изобразить, даже помыслить себе в каком-то образе. Позже изображение божественного воплощения Христа стало именоваться иконой.

Немаловажным добавлением к изложению концепции Жана Бодрийяра относительно икон-симулякров может служить уточнение о том, что сами догматы и каноны церковного искусства не допускают изображения Бога-отца на иконах, так как его сущность является непостижимой и невыразимой в каком-либо образе. Рассуждения философа могут быть применены только относительно неортодоксальных икон, на которых действительно мог изображаться антропоморфный Бог. На Седьмом Вселенском соборе было утверждено, что Иисус Христос – единственный возможный образ Бога, в то время как изображение Бога-отца в виде седовласого старца с бородой признавалось еретическим. На ортодоксальных же иконах изображаться может только Иисус, Бог-сын как телесное воплощение Бога на земле. Таким образом, согласно церковным догматам, было запрещено изображение на иконах невыразимой сущности самого Бога, то есть отрицались образы, несоотносимые с нерепрезентируемым божественным референтом, существование которого Бодрийяр и ставит под сомнение.

Ранее упоминалось уже о переводе Лукрецием эпикуровского слова *eicon* латинским *simulacrum*, что означает близость по смыслу этих двух терминов. Таким образом, в заключение можно сказать, что по своей сути по своей сути

¹⁴ Там же. С. 16

слова *икона*, произошедшая от *eicon*, и *симулякр* – от *simulacrum*, являются синонимами не только, исходя из содержания и смысла, как у Бодрийяра, но и с этимологической точки зрения. Хотя философ и говорит о возможном причислении икон к разряду чистых симулякров, божественных образов, не соотносимых ни с каким референтом, кроме другого симулякра, тем не менее, нельзя не упомянуть еще и об общих корнях происхождения терминов *икона* и *симулякр*.